

Общественная опасность такого рода деяний подтверждается тем фактом, что борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации вошла в число приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов наряду с противодействием терроризму и коррупции.

В настоящее время все больше применяется межбанковская система электронных платежей, которая не может быть абсолютно надежной. Этим пользуются преступные элементы, которые получают несанкционированный доступ к банковским компьютерным сетям для совершения противоправных действий. Можно сказать, что процесс компьютеризации общества приводит к увеличению количества компьютерных преступлений.

Кроме того, как верно отмечает А.А. Несмеянов, сегодня не существует ни релевантной статистики, позволяющей проанализировать данные, отражающие реальную картину состояния киберпреступности, ни надежных методов сбора

таких данных, поэтому нельзя сказать, до какой степени достоверна статистика об экономических потерях в результате совершения преступлений такого рода.³

Изложенные факты указывают на достаточно высокую степень общественной опасности мошенничества в сфере высоких технологий и в некоторой степени определяют основные направления противодействия указанному виду преступлений.

¹ Приговор Конаковского городского суда Тверской области от 24.07.2014 № 1-171/2014 по делу Т. URL:<http://sudact.ru/regular/doc/HkFGuaetNTUP/> (дата обращения: 21.03.2017).

² Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 2.

³ Несмеянов А.А. Основные проблемы борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий / Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4 (71). С. 43-48.

Фисенко Д.Ю.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

ОТГРАНИЧЕНИЕ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ОТ ПРИСВОЕНИЯ НАЙДЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Проблема отграничения хищения чужого имущества от присвоения найденного имущества известна отечественной уголовно-правовой науке и правоприменительной практике уже достаточно давно. Так, ни для кого не секрет, что еще в УК РСФСР 1960 г. наряду с уголовной ответственностью за хищение чужого имущества существовала специальная норма – ст. 148.4 УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества, заведомо принадлежащего другому собственнику. В 1996 г., в связи с принятием УК РФ, данное деяние было декриминализовано. Ныне действующее законодательство предусматривает уголовную ответственность только за хище-

ние чужого имущества, в то время как присвоение найденного имущества регламентируется нормами гражданского законодательства (ст. 225-229 ГК РФ) и в определенных законом случаях может повлечь лишь гражданско-правовую ответственность. Однако вплоть до сегодняшних дней «привычка» считать преступлением присвоение найденного имущества глубоко укоренилась в сознании правоприменителя, в связи с чем, несмотря на наличие значительного числа разъяснений и комментариев уголовного закона, в вопросе разграничения хищения и присвоения найденного имущества до сих пор не поставлена точка.

Кроме того, с недавних пор данная проблема усугубилась в связи с кассационным определением Верховного Суда

РФ от 19 апреля 2017 г. № 75-УД17-2, где высшая судебная инстанция подтвердила, что оставленная без присмотра в общественном месте вещь не является ничьей. Её можно взять только для того, чтобы вернуть хозяину. В противном случае это будет признано хищением и лицо понесет уголовную ответственность.

Следует отметить, что с указанной позицией Верховного Суда РФ некоторые ученые солидарны. Так, С.В. Складов считает, что для правильной оценки действий лица, завладевшего чужим имуществом в отсутствие собственника, как кражи следует установить, что имущество было забыто, а не потеряно собственником, на что, в частности, по мнению ученого указывает конкретное местонахождение имущества, достоверно свидетельствующее о том, что имущество не является бесхозным. Например, имущество лежит на скамейке, подоконнике, на столике, возле банкомата, на прилавке и т.п., но не на полу, не на дороге, не в урне и т.п. Свой довод он подкрепляет положениями ч. 1 ст. 227 ГК РФ, в соответствии с которыми вещь, найденная в помещении или на транспорте, подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта, что дает основание считать такое имущество находящимся во владении лиц, которым они принадлежат; соответственно, присвоение такого имущества является кражей.¹ Данную позицию разделяют Ф.Н. Багаутдинов и Л.Ф. Валиуллин.²

В то же время в уголовно-правовой доктрине есть и противники признания случаев присвоения найденного имущества хищением. Например, А.С. Лукинов и К.О. Малявкин утверждают, что не имеет никакого значения, где была утрачена вещь: в помещении, в транспорте, на улице или в ином месте, а равно приняло нашедшее ее лицо какие-либо меры для возвращения ее собственнику (законному владельцу) либо нет, заявило о находке в полицию или в орган местного самоуправления или умолчало об этом. Во всех приведенных случаях речь идет именно о нарушении правил обращения с находкой, регламентированных ст. 227 ГК РФ, в связи с чем содеянное не со-

держит признаков состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. По мнению указанных авторов, основным критерием для разграничения находки и кражи является элемент, связанный с выбыванием имущества из обладания законного владельца. То есть если лицо не предприняло никаких активных действий для утраты вещи собственником (или иным законным владельцем), а лишь присвоило потерянную (забытую и т.п.) вещь, то такие действия не преступны.³

Аналогичного мнения придерживается и А.В. Бриллиантов, который отмечает, что вопрос о находке лежит в плоскости гражданского законодательства. Другие отрасли права, в том числе и уголовное право, вопрос о находке не регламентируют. Это обстоятельство является одним из подтверждений того, что находка и ее не возврат не могут рассматриваться как кража и не влекут за собой уголовной ответственности. Лицо, нашедшее имущество и не выполнившее требования гражданского закона, должно отвечать за нарушение требований этого законодательства. Аргументируя свою позицию, ученый акцентирует внимание на том, что лицо, нашедшее имущество, непосредственно не изымает его у собственника или иного владельца, ущерб причиняется в результате неосторожных действий самого собственника в результате потери имущества. Не возврат найденного представляет собой не причинение прямого действительного ущерба путем изъятия вещи, а непринятие обязательных по закону мер к ликвидации ущерба. Соответственно, и умысла на причинение прямого действительного ущерба в результате изъятия имущества у лица, которому имущество передано для возврата, не возникает, а значит, такое деяние не может быть признано хищением.⁴

Более того, в ряде постановлений даже сам Верховный Суд РФ проводит четкую грань между присвоением найденного и находкой. Так, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных

устройств» и от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указано, что присвоение найденного является приобретением, а не хищением соответствующих предметов.

Таким образом, можно констатировать, что ни в юридической науке, ни на уровне высшей судебной инстанции России нет более или менее четко оформленных критериев разграничения хищения чужого имущества и присвоения найденного имущества, в связи с чем отнюдь не удивительно, что в судебной практике можно встретить немало весьма противоречивых судебных решений, когда разных лиц, находящихся в схожих условиях и совершивших, по сути, аналогичные деяния, в одном случае привлекают к уголовной ответственности, а в другом – нет.

Например, апелляционным постановлением Кемеровского областного суда приговор Осинниковского городского суда Кемеровской области в отношении П., осужденного по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, был оставлен без изменений. В апелляционной жалобе адвокат указывает, что действия П. отсутствуют состав преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Действия П. по обнаружению и дальнейшему завладению мобильным телефоном С., забытым ею на заднем сидении автомобиля П., следует признать находкой, поскольку данное имущество было из обладания собственника С. независимо от её воли или воли П. Завладение такой вещью не образует хищения, а неправомерное присвоение найденной или случайно оказавшейся у виновного чужой вещи влечет гражданскую ответственность, предусмотренную ст. 227 УК РФ. Однако суд апелляционной инстанции мотивировал свое решение тем, что подсудимый П., зная, что обнаруженный им в автомобиле сотовый телефон ему не принадлежит, каких-либо мер для его возвращения собственнику не предпринял, а заведомо зная, что имущество чужое, присвоил его, передав для пользования своей гражданской супруге, в связи с чем его действия нельзя признать находкой.⁵

Забайкальский краевой суд в апелляционном постановлении подтвердил, что суд первой инстанции верно пришел к выводу о том, что в действиях К., обнаружившего в салоне своего автомобиля телефон, забытый собственником Ч., и передавшего его в дальнейшем в пользование своим родственникам, отсутствует состав преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Суд апелляционной инстанции пояснил, что мобильный телефон был утрачен собственником Ч., то есть выбыл из его владения без участия К. и помимо его воли, он лишь присвоил утерянную вещь, не будучи осведомленным о его собственнике. К. не предпринимал никаких активных действий по неправомерному завладению (изъятию) имущества, принадлежащего собственнику Ч. По смыслу закона при совершении хищения имущество изымается из обладания собственника или лица, в ведении или под охраной которого оно находится. Если имущество по тем или иным причинам уже выбыло из обладания собственника, то завладение такой вещью не образует хищения, а неправомерное присвоение найденной или случайно оказавшейся у виновного чужой вещи влечет гражданскую ответственность, предусмотренную ст. 227 ГК РФ.⁶

На основании вышеизложенного очевидно, что проблема отграничения хищения чужого имущества от присвоения найденного имущества в современной судебной практике продолжает стоять довольно остро. Так, вопрос о привлечении или непривлечении лица к уголовной ответственности в контексте рассматриваемой проблемы практически целиком и полностью отдан на усмотрение конкретного суда (судьи). Такое положение дел не только размывает пределы уголовной ответственности, но и способствует формированию противоречивой судебной практики. В результате таких противоречий нарушаются основополагающие принципы уголовного права, и прежде всего принцип справедливости.⁷

Представляется, что окончательно прекратить этот весьма затянувшийся спор может лишь законодатель путем модернизации действующего уголовного законодательства. В связи с этим следует

отметить, что в юридической литературе уже достаточно продолжительное время и весьма обоснованно отмечается, что декриминализация присвоения находки в УК РФ 1996 г. не только социально не обоснована, но и существенно снижает эффективность общего направления борьбы с преступлениями против собственности, уменьшает возможности правоохранительных органов противостоять экономической преступности.⁸ Можно предположить, что «восстановление» в действующем уголовном законе уголовной ответственности за присвоение найденного позволило бы не только раз и навсегда поставить точку в вопросе разграничения хищения чужого имущества и присвоения найденного, но и послужило бы важным подспорьем для более эффективного противодействия преступлениям против собственности.

¹ Складов С.В. Кража забытого имущества // Уголовное право. 2017. № 3. С. 71-72.

² Багаутдинов Ф.Н., Валиуллин Л.Ф. Кража или находка – проблемы разграничения // Законность. 2017. № 6. С. 46-47.

³ Лукинов А.С., Малявкин К.О. Кража или находка – трудности и заблуждения // Законность. 2017. № 10. С. 42-43.

⁴ Бриллиантов А.В. Хищение или неосновательное обогащение? // Уголовное право. 2016. № 4. С. 10-11.

⁵ Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 20.05.2016 по делу № 22-2863/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru>.

⁶ Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 07.11.2016 по делу № 22-3801/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru>.

⁷ Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2013. С. 304.

⁸ Мальцев В.В. Преступления против собственности: дифференциация ответственности и устранение пробелов в законодательстве // Российская юстиция. 2008. № 10; С. 30-34; Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности. М., 2011. С. 142.

Пальчик М.В.

Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ И УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИСВОЕНИЯ ИЛИ РАСТРАТЫ)

Юридическим основанием возникновения и реализации уголовной ответственности является квалификация преступлений. Для правильной уголовно-правовой оценки содеянного необходимо при выявлении признаков, свойственных исключительно совершенному деянию, отграничить его от всех остальных, в том числе от правонарушений. Одним из таких проблемных вопросов выступает вопрос разграничения уголовно наказуемых деяний в сфере собственности и гражданских правонарушений.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что:

– основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего признаки состава преступления, а основанием гражданской ответст-

венности – нарушение субъективных гражданских прав¹;

– гражданско-правовая ответственность может наступать только в случаях нарушения чужого субъективного права и не возникает при нарушении публичных интересов².

Как верно отмечено С.В. Супрун, возмещение вреда в натуре в уголовном судопроизводстве может применяться при совершении преступлений, например, в сфере экономики. Гражданско-правовой способ «возмещение убытков» может применяться при совершении преступлений против жизни и здоровья граждан. Если в первом случае преступлением прямо причиняется имущественный вред потерпевшему и речь идет о его возмещении, то во втором – вред причиняется